

На правах рукописи

Дурова Мария Владимировна

**МОДЕЛИ БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ
(в сопоставлении с языками народов Сибири)**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск – 2016

Работа выполнена в Секторе языков народов Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель:

главный научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор **Кошкарева Наталья Борисовна**

Официальные оппоненты:

старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения Российской академии наук (г. Москва), доктор филологических наук **Рудницкая Елена Леонидовна**,

старший научный сотрудник кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (г. Москва), кандидат филологических наук, доцент **Стругова Елена Викторовна**

Ведущая организация – Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан).

Защита состоится «3» июня 2016 г. в 10:00 на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.) и на сайте Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук <http://philology.nsc.ru>.

Автореферат разослан «__» апреля 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Мальцева А. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В реферируемой работе описываются средства выражения пространственных отношений и модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке в сопоставлении с алтайскими и частично уральскими языками Сибири.

Объектом исследования являются элементарные простые предложения японского языка с глагольным сказуемым.

Под элементарным простым предложением (ЭПП) подразумевается минимальная двусторонняя единица синтаксического уровня языка. Планом ее выражения выступает структурная схема, которая репрезентирует соотношенность с некоторой ситуацией действительности. Структурная схема записывается как последовательность условных символов, отражающая морфологический способ выражения компонентов, минимально необходимых для реализации соответствующей семантической структуры. План содержания представлен позицией, отражающей объективное содержание предложения без учета сопровождающих его субъективных смыслов и особенностей формальной организации предложения.

В состав ЭПП входят предикат и его обязательные распространители – актаны, а при пространственных предикатах (глаголах бытия, местонахождения, движения, перемещения) также и сирконстанты-локализаторы.

Предметом исследования выступает моделирование структуры и семантики бытийно-пространственных глагольных ЭПП японского языка, их описание как микросистемы языковых единиц синтаксического уровня.

Описание комплекса пространственных моделей в реферируемой работе затрагивает только двух- и трехактантные пространственные модели. Все некаузативные ЭПП включают в свой состав два обязательных компонента (субъект и локализатор), в каузативных же добавляется позиция объекта перемещения. В диссертационной работе содержится анализ статических бытийно-локативных моделей, моделей обладания и динамических моделей движения. В исследовании представлены также грамматикализованные и лексические средства выражения пространственных отношений в японском языке.

Цель исследования – выделение и систематизация пространственных моделей японского языка, а также их сопоставление с пространственными моделями некоторых урало-алтайских языков (шорского, эвенкийского, тувинского, хакасского и, частично, ненецкого). Выбор языков для сравнения обусловлен наличием работ, выполненных в

рамках моделирования элементарного простого предложения, и генетическими связями, существующими между данными языками.

Для достижения поставленной цели последовательно решается ряд следующих **задач**:

1) описать средства выражения пространственных отношений в японском языке;

2) выявить модели бытийно-пространственных ЭПП японского языка и описать их особенности;

3) систематизировать выявленные модели: установить основные классы моделей, выявить их дифференциальные признаки, определить иерархические отношения между классами моделей, структурными и семантическими вариантами моделей;

4) выявить границы и стандартные пути варьирования структуры и семантики предложений в зависимости от особенностей заполнения каждого из входящих в ее состав компонентов;

5) установить соответствие между типом предиката и типом пропозиции в ЭПП;

6) сопоставить средства выражения пространственных отношений и пространственные модели японского языка с моделями уралоалтайских языков.

Положения, выносимые на защиту.

1. Бытийно-пространственные модели ЭПП японского языка разделяются на *статические* и *динамические*, которые противопоставлены, во-первых, по семантике предиката, отражающего статику или динамику действия, во-вторых, по типу локализатора, характеризующего статическое существование / местонахождение или динамическое перемещение.

2. Пространственные модели ЭПП японского языка обладают структурными и семантическими вариантами. Структурное варьирование задается способом выражения локализатора, семантические варианты выделяются с опорой на семантику компонентов, входящих в модель. К основным средствам выражения пространственных отношений мы относим пространственные глаголы, имена пространственной семантики в составе локализатора и пространственные падежи.

3. Статический класс пространственных моделей японского языка представлен *бытийно-локативными* моделями и моделями *обладания*. Основанием для противопоставления этих моделей является их типовое значение: существование или местонахождение предмета в точке пространства, с одной стороны, и существование предмета в сфере субъекта-посессора, с другой.

4. Бытийно-локативные модели подразделяются на две группы: *бытийные* и *локативные* модели. Основанием для их разграничения является тип пропозиции. Динамические модели ЭПП разделяются на *адлокативные*, *делокативные* и *транслокативные* модели, которые характеризуют путь перемещения. Для японского языка выделяются *каузативные* и *некаузативные* локативные модели и модели движения по признаку наличия / отсутствия объекта каузации.

5. В японском языке отсутствует отдельный класс моделей *ориентированного* движения и моделей *локализуемого движения*, поскольку соответствующие пропозиции выражаются транслокативными конструкциями. Также ввиду специфического падежного маркирования транслокатива не могут быть выделены модели *каузативной транслокации*.

6. Дифференциация систем пространственных моделей японского и урало-алтайских языков в сфере выделения конкретных классов обусловлена различиями в структуре и лексическом наполнении позиции локализатора. В японском языке отсутствуют серийные послелогои и класс наречий места, зато развита система имен служебной семантики с пространственным значением. Значимые различия наблюдаются в оформлении *директива-старта* и *транслокатива*.

7. Расхождения в области семантического варьирования моделей и выделения структурно-семантических вариантов не оказывают влияния на общее типологическое сходство пространственных моделей сопоставляемых систем.

Актуальность исследования определяется комплексным структурно-семантическим подходом к изучению объекта, позволяющим представить раздел синтаксического строя японского языка как фрагмент знаковой системы. В работе исследуются также особенности функционирования данных единиц в речи. Бытийно-пространственные модели занимают центральное место, поскольку передают такие важные с коммуникативной точки зрения отношения, как отношения существования, местонахождения, движения, перемещения предмета в пространстве. На основе пространственных конструкций формируются модели, описывающие прочие обстоятельственные отношения.

Научная новизна состоит в том, что, при всей многочисленности работ по теоретической и практической грамматике, а также конкретно по синтаксису японского языка, на данный момент не существует полного описания языковых единиц синтаксического уровня. Данное исследование представляет собой первое описание системы моделей ЭПП пространственной семантики в японском языке в рамках функционально-семантического подхода с применением метода структур-

ного моделирования. Было выполнено комплексное описание предложений пространственной семантики и как единиц языка, и как единиц речи, рассмотрено парадигматическое варьирование, выявлены структурно-семантические варианты, тем самым систематизирован фрагмент синтаксической системы японского языка. В работе представлен первый опыт комплексного сопоставления систем бытийно-пространственных моделей японского языка и урало-алтайских языков Сибири с целью установления их типологического сходства.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по структурному, семантическому и коммуникативному синтаксису и функциональной грамматике: Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, Р. Ван Валина, М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой, Т. А. Колосовой, Т. П. Ломтева, И. А. Мельчука, А. Мустайоки, Е. В. Падучевой, В. А. Плунгяна, Л. Талми, Л. Теньера, Ч. Филлмора, М. И. Черемисиной, Н. Ю. Шведовой, Т. В. Шмелевой и др.

Работа выполнена в рамках теории моделирования структуры и семантики элементарных простых предложений в языках разных систем, разрабатываемой сотрудниками Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) и на кафедре общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета. Исследование продолжает серию работ, посвященных описанию отдельных фрагментов синтаксической системы исследования предложения как синтаксического знака в языках разных систем – алтайском (Байжанова 2004; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008), шорском (Невская, 2005; Телякова 1994), тувинском (Серээдар 1995; Серээдар, Черемисина, Скрибник 1996; Хертек 2008), ненецком (Шилова 2003) и др.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней разрабатывается типология простого предложения – одна из важнейших проблем теоретического синтаксиса. В ходе исследования были выявлены и описаны четыре статические и три динамические пространственные модели, что вносит определенный вклад в развитие теории моделирования ЭПП как единиц синтаксического уровня языка. Сопоставление пространственных моделей японского и алтайских языков выявляет значимые черты типологического сходства и расхождения в способах отражения пространственных отношений в данных языках.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для теоретического и практического описаний синтаксиса японского языка, а также при со-

ставлении синтаксических словарей, учебников и учебно-методических пособий. Материалы данного исследования также могут быть использованы в лекционных и специальных курсах по синтаксису простого предложения в японском языке, в частности, в разделах, посвященных изучению второстепенных членов предложения, парадигме простого предложения, способам выражения актантных ролей.

Материалом исследования послужила выборка предложений японского языка пространственной семантики, насчитывающая более 6000 единиц.

На первом этапе работы накопление материала проводилось путем сплошной выборки примеров из произведений японской художественной литературы XX в., что позволило составить представление о распространенных типах пространственных конструкций, характерных для японского языка, а также очертить общие границы лексико-семантических групп пространственных предикатов. Далее для расширения списка глаголов были привлечены данные различных словарей, как собственно японского языка, так и русского [Описательное исследование семантики и употребления глаголов 1972; Бабенко 1988, 1998; Толковый словарь русских глаголов 1999; Васильев 2005; Толковый словарь японского языка «Кодзиэн» 2008; Русско-японский словарь изд-ва Кэнкюся 2012; Экспериментальный синтаксический словарь 2002; и др.].

На втором этапе выборки примеров были использованы ресурсы «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (<http://www.kotonoha.gr.jp/>). В выборку включались отрывки из художественной литературы, публицистических изданий, официальных документов, учебников и справочных пособий 70-х гг. XX – начала XXI вв.

Основным **методом** является метод моделирования структуры и семантики предложения, позволяющий представить множество фраз (конкретных речевых реализаций) в виде абстрактного образца, репрезентирующего структурные и семантические свойства данного множества. Кроме того, в работе использовались методы первичного лингвистического наблюдения объекта, описания и сопоставления, а также компонентного анализа, количественных подсчетов.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования в виде докладов излагались на Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирский государственный университет, 2009 г.), на конференции «Языки Сибири и сопредельных регионов» (Институт филологии СО РАН, 2010 г.), на XXVII Международной конференции по источ-

никоведению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива» (Восточный факультет СПбГУ, 2013 г.), на XXVIII Международной научной конференции по историковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире» (Восточный факультет СПбГУ, 2015 г.). По теме исследования имеется 7 публикаций, 3 из них в реферируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы обусловлена целью, задачами, проблематикой и методологией исследования и состоит из введения, двух глав (одной теоретической и одной исследовательской), заключения, библиографического списка, трех приложений, которые включают список условных сокращений и обозначений, принятых в работе, таблицу бытийно-пространственных моделей, выделенных для японского языка, а также перечень глагольных предикатов, участвующих в образовании исследуемых моделей.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрываются объект, предмет, цели и задачи исследования, а также методы их решения, обосновывается актуальность работы, определяется ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, называются источники материала для исследования, характеризуется теоретическая и методологическая база, формулируются положения, выносимые на защиту, излагаются сведения об апробации и структуре диссертации.

Глава 1 «Теоретические принципы описания пространственных моделей элементарных простых предложений» включает пять параграфов и посвящена вопросам формирования теории моделирования, ЭПП как единице синтаксиса, категории пространственности, а также принципам описания пространственных отношений в японском языке.

В первом параграфе кратко описывается история изучения японского языка японскими и зарубежным лингвистами, дается сжатая характеристика существующих исследований в области практической и теоретической грамматики и синтаксиса японского языка.

Во втором параграфе поэтапно рассматривается история выделения и изучения единиц языка и речи на синтаксическом уровне языка. В широком контексте развитие и реализация идеи синтаксического моделирования принадлежит Т. П. Ломтеву, который обратил внимание лингвистов на проблему организации предложения в аспекте взаимосвязи его формального и смыслового устройства.

Данный раздел представляет структурный (Н. Ю. Шведова, В. А. Белошапкова, пражская «Русская грамматика» 1979 г.) и семантический (Г. А. Золотова, Е. В. Падучева, Л. Г. Бабенко) подходы к изучению модели предложения.

Комплексный структурно-семантический подход был заложен в трудах Т. П. Ломтева, впоследствии его развивали М. В. Всеволодова, а также представители новосибирской синтаксической школы под руководством М. И. Черемисиной. По мнению этой группы исследователей, объект синтаксиса, равно как и его модель, должен быть представлен набором компонентов с определенными значениями и функциями. Важной характеристикой такой единицы является структурно-семантическая полнота и в то же время минимальная достаточность этих компонентов, которая позволит реализовать его пропозициональный смысл. Модель же предложения представляется как сложившееся в сознании исследователя искусственное построение, которое отражает существенные стороны предложения как языковой единицы.

В третьем параграфе раскрывается содержание термина *элементарное простое предложение* как монопредикативной единицы, основными характеристиками которой являются минимальность (содержит только компоненты, строго необходимые для описания некоторой ситуации) и неэллиптичность (содержит все необходимые элементы для обозначения ситуации и образования неэллиптического высказывания). Речевые высказывания, построенные по моделям ЭПП, могут представать не только в виде отдельных предложений, но и как часть сложных полипредикативных конструкций. ЭПП вычлняются из простых и сложных предложений путем исключения факультативных компонентов.

В данном параграфе представлены также типы пропозиций, их структура и основные компоненты – предикат, актанта и сирконстант. Состав и количество актанта и сирконстантов в предложении определяется принадлежностью глагола к определенной семантической группе: например, при предикатах бытия, местонахождения, движения и перемещения позиция локализатора – пространственного сирконстанта – является обязательной.

Основная функция ЭПП – репрезентация одной конкретной пропозиции, которую можно представить простейшей формой предложения, в отвлечении от смысловой сложности ее речевых реализаций. Таким образом, ЭПП как изосемическая конструкция представляется исходным «нулевым» инвариантом – ядром синтаксической парадигмы, в котором заложен потенциал к варьированию.

Модели ЭПП варьируют в плане выражения и в плане содержания. Структурное варьирование модели – это различные возможности выражения одного и того же компонента пропозиции. Наряду с относительно простыми случаями, как, например, варьирование падежных форм актантов, выявляются и более сложные отношения: между формами локализаторов местонахождения и ориентации движения или перемещения. Рассматриваемые модели ЭПП также варьируют в рамках актуального членения предложения, что проявляется в форме выражения подлежащего-субъекта и особенностей его расположения в предложении.

Семантическое варьирование моделей отражает явление полисемии, обусловленное типовой лексической семантикой компонентов и не влияющее на смысл и структуру модели в целом. Так, лексическое наполнение отдельных компонентов модели позволяет выделить для японского языка семантические разноуровневые вариации моделей на основе следующих признаков: одушевленности / неодушевленности субъекта; расположения субъекта в пространстве особым образом, передаваемого семантикой предиката; характеристики расположения или движения, заложенной в семантике локализатора, и др.

Описание пространственности как центральной для человеческого сознания категории приводится в четвертом параграфе первой главы. В трудах Л. Талми [1978, 1983, 2000] пространство предстает как структура, состоящая из двух подсистем. Первая представляет собой матрицу, схематические чертежи, которые «содержат и локализуют». К данной подсистеме применимы статические (область, местонахождение) и динамические (трасса, движение) понятия. Вторая подсистема – это содержимое пространства, формы и взаимоотношения материи, заполняющей первую подсистему.

В трактровке М. В. Всеволодовой и Е. Ю. Владимирского пространственные отношения представляют соположение в пространстве какого-либо предмета, события (действия), признака и некоторого пространственного ориентира. В самом общем виде пространственные отношения обозначаются формулой $A + r + L$, где A – локализуемый объект, L – локализатор, т. е. объект, по отношению к которому локализуется A ; r – пространственное отношение, связывающее объекты A и L .

В рамках «Теории функциональной грамматики» пространственные отношения рассматриваются в цепочке «пространство – время – каузация».

Планом выражения элементов формулы $A + r + L$ при описании частных пространственных отношений в японском языке служат следующие средства:

1) локализуемый предмет A : в зависимости от общего пространственного значения в данной семантической роли может выполнять в предложении функцию подлежащего (при обозначении некаузированного движения) или прямого дополнения (при выражении каузированного движения), этот элемент конструкции выражается именем существительным или местоимением;

2) пространственное отношение r : в японском языке к средствам, обозначающим связь двух субстанций, относятся пространственные предикаты, указательные местоимения места, падежные формы имен, служебные имена пространственной семантики;

3) локализатор L : основной формой выражения локализатора в японском языке является падежная форма имени.

Пятый параграф задает принципы описания системы пространственных моделей японского языка.

В главе 2 «Система бытийно-пространственных моделей элементарных простых предложений японского языка в сопоставительном аспекте» содержится подробное описание средств выражения пространственных отношений и собственно комплекса пространственных конструкций в японском языке. В каждом разделе данной главы, помимо анализа японского материала, проводится также контрастное сопоставление с шорским, эвенкийским и ненецким языками (эпизодически привлекаются данные по тувинскому и хакасскому языкам).

В первом параграфе проводится описание и сопоставление средств выражения пространственных отношений. В японском языке (как и во многих алтайских языках) в качестве таковых выступают локативные глагольные предикаты, послеложно-падежные сочетания в составе именной группы локализатора, система пространственных падежей.

Носителями семантики ситуативных пространственных отношений, прежде всего, являются глагольные предикаты, характеризующие локативные пропозиции и предполагающие наличие обязательного локализатора. В японском языке, как и в языках Сибири, выделяются лексико-семантические группы глаголов, формирующие конкретные бытийно-пространственные пропозиции: предикаты локации, адлокации, делокации, транслокации.

Сопоставление пространственных предикатов в японском и сибирских языках позволяет выделить ряд совпадающих особенностей.

1) Пространственные предикаты предполагают наличие в модели ЭПП локализатора.

2) Максимальное число предметных участников, обусловленных валентностью глагола, – четыре [Невская 2005; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008]. Е. Г. Самойлова также указывает, что в эвенкийском языке чаще всего реализуются лишь одна или две позиции локализатора [Самойлова 2002: 108].

3) Во всех тюркских языках, как и в японском, выделяется соотносительная пара глаголов, противопоставленных по ориентации их действия в отношении субъекта наблюдения. И. А. Невская приводит в качестве примера пару шорских глаголов: *нар* 'идти от субъекта наблюдения' и *кел* 'идти по направлению к субъекту наблюдения'; причем субъект наблюдения не обязательно совпадает с говорящим (в японском языке ориентация осуществляется именно в отношении говорящего). Эти глаголы участвуют в образовании сложных глаголов движения и придают им эгоцентрический компонент.

4) Бытийные и позиционные глаголы сопоставляемых языков противопоставляются по признаку «одушевленность / неодушевленность субъекта»: для людей, животных и предметов используются разные глаголы со значением 'быть', 'сидеть', 'лежать' и проч.

5) При глаголах движения, имеющих позиции директива-старта и директива-финиша, последняя реализуется значительно чаще [Невская 2005; Самойлова 2002; Шилова 2003].

Локализатор, как обязательный участник пространственных моделей ЭПП, обладает характерной пространственной семантикой и, наряду с глагольным предикатом, непосредственно участвует в формировании типовой семантики предложения в целом. В каноническом виде локализатор выражается отдельным словом (например, пространственным наречием), словоформой, сочетанием имени существительного со служебными именами или послелогом.

Служебные имена выступают в качестве конкретизаторов в составе локализатора бытийно-пространственных моделей, оставаясь нейтральными по отношению к ситуативным отношениям в целом. Степень их грамматикализации различна, так что некоторые из них (яп. *naka* 'внутри', *ue* 'верхняя часть') могут фигурировать в предложении самостоятельно, занимая синтаксическую позицию. Данный класс имен, будучи достаточно обширным, формирует автономную подсистему средств выражения пространственных отношений и выделяется как для японского языка, так и для всех алтайских. В отличие от послелогов урало-алтайских языков, в японском языке служебные имена пространственной семантики, хоть и соотносятся с типами ло-

кализации, не образуют устойчивых соответствий с типами ориентации, поэтому могут быть оформлены любым падежом из участвующих в образовании изучаемых моделей.

Основным способом соотношения локума и пространства локализатора в алтайских языках является падежная аффиксация. Причем для оформления локативной группы могут использоваться как собственно локативные, так и не собственно локативные падежи. В японском языке для оформления локализатора также используются падежные показатели, однако они не образуют сцепленных словоформ с лексемами, к которым примыкают.

В образовании бытийно-пространственных моделей японского языка участвуют как пространственные, так и непространственные падежи. Так, именительный рематический (*ga*) и тематический (*wa*) падежи оформляют позицию субъекта существования / местонахождения или движения, а родительный (*no*) падеж используется для присоединения к лексико-семантической группе локализатора имен пространственной семантики. Винительный (*wo*) падеж, не являясь собственно пространственным, тем не менее, кроме объекта каузации, также оформляет транслокативный локализатор. К собственно пространственным падежам мы относим: дательный (*ni*), маркирующий существование, местонахождение в бытийной модели и направление в адлокативной модели; творительный (*de*), маркирующий специфическое существование / местонахождение в бытийной модели; направительный (*e*), маркирующий общее направление движения в адлокативной модели; исходный (*kara*), маркирующий делокативный локализатор; предельный (*made*), маркирующий конечную точку движения в адлокативной модели.

Проведенный сопоставительный анализ показывает, что набор пространственных падежей каждого из типов локализаторов (локатив, директив-старт, директив-финиш, транслокатив) и функции этих падежей в урало-алтайских языках имеют некоторые значимые отличия при общем сходстве падежных систем.

По итогам контрастивного описания комплекса средств выражения пространственных отношений в японском и урало-алтайских языках были сделаны следующие выводы.

1) Японский относится к языкам глагольного типа (по классификации Л. Талми), вследствие чего пространственные предикаты данного языка в гораздо меньшей степени, нежели предикаты сопоставляемых языков, инкорпорируют в свою семантику компоненты способа передвижения, характеристик субъекта, пространственного ориентира и проч.

2) В японском языке отсутствует развитая система серийных послелогов, зато в нем представлен набор служебных имен пространственной семантики, не чувствительных к типу ориентации, но помогающих описывать типы локализации. Наиболее широко употребляются имена *ue* 'верх', *shita* 'низ', *ushiro* 'позади, за', *mae* 'перед, впереди', *aida* 'между', *soto*, 'снаружи', *naka* 'внутри', *soba* 'рядом', *tonari* 'соседство' [Сафина 2000: 53].

3) В японском языке практически полностью отсутствует класс пространственных наречий, которые могли бы замещать позицию локализатора в рассматриваемых моделях, однако имеются указательные местоимения места (*koko* 'здесь', *soko* 'там', *asoko* 'вон там', *doko* 'где') и местоимения со значением направления (*kochira* 'здесь, эта сторона', *sochira* 'там, та сторона', *achira* 'вон там', *dochira* 'где').

4) При общем сходстве системы пространственных падежей наблюдаются расхождения в ее составе. Так, в бытийно-пространственных моделях японского языка локализатор может быть оформлен дательным, творительным, направительным, винительным, исходным и предельным падежами. В шорском языке для описания пространства задействованы местный, дательный, исходный, направительный, орудный, винительный и неопределенный падежи. В тувинском языке система пространственных падежей включает местный, дательный направительный и исходный падежи, в хакасском языке к перечисленным добавляется также продольный – при оформлении локатива и транслокатива. В ненецком языке в рассматриваемых моделях используются дательно-направительный, местно-творительный, отложительный и продольный падежи.

5) Дательный падеж (*ni*) в японском языке обладает статико-динамическим значением и может оформлять как статический локализатор бытийно-локативных моделей, так и динамический – в моделях движения, в то время как в алтайских языках наблюдается оппозиция «дательный – местный (местно-творительный)», в которой дательный падеж имеет динамическое значение, а местный – статическое. Тем не менее зарегистрированы случаи употребления дательного падежа для выражения статического местонахождения в ряде тюркских языков, например, в хакасском и тувинском [Хертек 2008; Чугунцова 2013]. В ненецком языке локатив может быть оформлен как дательно-направительным, так и местно-творительным падежами: местно-творительный указывает на собственно статическое местонахождение, в то время как дательно-направительный отвечает за местонахождение субъекта, ставшее результатом перемещения [Шилова 2003, Ч. 1: 49].

Статико-динамический характер дательного падежа в японском языке сближает последний с древними состояниями тюркских языков, поскольку такое употребление дательного падежа наблюдается в памятниках древнетюркской письменности [Невская 2005: 102].

б) Винительный падеж в японском языке также имеет больший спектр функций в рамках бытийно-пространственных предложений, участвуя в маркировании директива-старта и транслокатива. В шорском языке винительный падеж фигурирует в транслокативных моделях, а также в моделях преодоления и полного охвата пространства. В ненецком языке винительный падеж также оформляет локализатор со значением преодолеваемого объекта или объекта-циркумлокатива (в модели движения по дуге). Однако в японском языке подобные модели не выделяются в отдельный класс, поскольку данные значения полностью покрываются транслокативной моделью. В хакасском и тувинском языках директив-старт оформляется исходным падежом, а транслокативный локализатор – продольным и исходным падежами соответственно.

Во втором параграфе содержится описание пространственных моделей японского языка и их сопоставление с языками Сибири. Для японского языка выделяются статические бытийно-локативные модели и модель обладания и динамические модели движения.

1. Бытийно-локативные модели формируют единое семантическое целое: в зависимости от актуального членения предложения в пропозиции бытия актуализируется либо бытийное, либо локативное значение.

Глагольные предикаты, фигурирующие в данных моделях, как правило, представлены бытийными глаголами *aru* и *iru* со значением ‘быть, являться, находиться’; первый глагол *aru* используется в отношении неодушевленных субъектов, второй *iru* – в отношении людей и животных. Аналогами бытийных глаголов, в той или иной степени передающими идею бытия, выступают, как правило, стативные глаголы, такие как: *sumi* ‘проживать’, *tomaru* ‘останавливаться на ночь’, *tsutomeru* ‘служить где-либо’, *suwaru* и *kakeru* ‘сидеть, садиться’, *neru* ‘спать’, *neturu* ‘дремать’, *tatsu* ‘стоять, вставать’ и др. С меньшей частотностью фигурируют предикаты, описывающие фазу существования или восприятие субъекта действующим лицом: *arawareru* ‘показаться, оказаться, появиться’, *kakureru* ‘скрыться’, *kieru* ‘исчезнуть, погаснуть’, *kagayaku* ‘сверкать’, *mieru* ‘виднеться’ и др.

1) Экзистенциальная модель ($\text{LEX}^{\text{Loc}} \text{N}_{\text{NomR}} \text{V}^{\text{Ex}}$) описывает наличие / отсутствие субъекта в точке пространства. Поскольку основная функция бытийных предложений – вводить в дискурс новых участни-

ков, подлежащее экзистенциального предложения всегда рематическое. Кроме рематического субъекта, в экзистенциальную модель входят бытийный предикат (либо его аналог) и локализатор.

墓の額には夜光の明珠がある。[Нацумэ Сосэки. «Ваш покорный слуга кот»]
 gama no hitai ni wa yakō no
 жаба GEN лоб DAT TOP свечение в темноте GEN
 meishu ga a=ru
 драгоценный камень NOM_R быть=PRS
 ‘Во лбу у жабы есть драгоценный камень, светящийся в темноте.’

а) Вариант экзистенциальной модели $LEX^{Loc} N_{NomR} Num V^{Ex}$ со значением количества, кроме трех обязательных компонентов (субъект-экзисциенс, локализатор и бытийный предикат), содержит также дополнительный компонент – лексему, выражающую количество. Число может выражаться наречием со значением количества (*takusan* ‘много’, *sukoshi* ‘мало, чуть-чуть’), числительным японского происхождения или сочетанием числительного с классификационным суффиксом, который характеризует предмет как относящийся к той или иной группе предметов.

家には、先住猫が2匹います。[СКСПЯЯ¹]
 ie ni wa senjū neko ga nihiki
 дом DAT TOP прошлый жилец кот NOM_R два
 i=mas=u
 быть=ADR=PRS
 ‘В доме жили две кошки, принадлежащие прошлым жильцам.’

б) Парадигматический вариант экзистенциальной модели со значением отсутствия ($LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex} = Neg$) содержит три обязательных компонента: субъект-экзисциенс, локативный локализатор и отрицательную форму бытийного предиката.

部屋の中には誰もいない。[СКСПЯЯ]
 heya no naka ni wa dare mo i=na=i
 комната GEN внутри DAT TOP кто и быть=NEG=PRS
 ‘В комнате никого нет.’

2) Локативные модели ($N_{NomT} LEX^{Loc} V^{Ex}$), как и бытийные, включают в свой состав бытующий субъект, бытийный предикат и статиче-

¹ Сбалансированный корпус современного письменного японского языка (<http://www.kotonoha.gr.jp/>).

ский локализатор. Отражая пространственно-предметный аспект мира, они сообщают о местопребывании уже известного предмета. Соответственно, локализатор в данном классе моделей составляет рему высказывания и преимущественно располагается после тематизированного бытующего субъекта.

隆駅は、岸壁のすぐ近くにありました。[СКСПЯ]

Ryūeki wa ganpeki no sugu chika=ku ni
 Рюэки NOM_T пирс GEN сразу близкий=ADV DAT
 ar=imash=ita
 быть=ADR=PST

‘Станция Рюэки находилась непосредственно возле пирса.’

а) Некаузативная локативная модель ($N_{\text{NOMT}} \text{LEX}^{\text{Loc}} V^{\text{Ex}}$) описывает местонахождение субъекта в точке пространства. В качестве предиката в модели используется не только собственно бытийные предикаты, но и широкий круг глаголов, инкорпорирующих дополнительные значения (например, способ расположения).

左膳は出入り口の引き戸の外に立っていた。[НацумэСосэки. «Ваш покорный слуга кот»]

ebisuzen wa deiriguchi no hikido no
 обеденныйстол NOM_R выход GEN скольльзящая дверь GEN
 soto ni ta=tte i=ta
 снаружи DAT стоять=CV AUX.PRG=PST

‘За входными дверями стоял обеденный столик.’

б) Каузативная локативная модель ($N^{\text{Caus}} N^{\text{Causv}} \text{LEX}^{\text{Loc}} V^{\text{Caus-loc}}$) включает дополнительный обязательный компонент – объект каузации, в качестве предиката в ней выступают глаголы со значением казулируемого местонахождения.

倒れている自転車を、近くの家の塀に立てかける。[СКСПЯ]

taore=te i=ru jitensha wo chika=ku no
 упасть=CV AUX.PRG=PRS велосипедACC близкий=ADV GEN
 ie no hei ni tatekake=ru
 дом GEN забор DAT прислонить=PRS

‘[Я] прислонил упавший велосипед к забору ближайшего дома.’

в) Именная локативная модель ($N_{\text{NOMT}} \text{LEX}^{\text{Loc}}=\text{COP}$) не предполагает наличия глагольного предиката и включает в свой состав только субъект-экзистенс, занимающий позицию топикального подлежащего, и локализатор, формально являющийся сказуемым и оформляющийся связкой. Поскольку сказуемое в японском языке может быть

оформлено только связкой, локализатор не присоединяет к себе показателей пространственных падежей.

東京文化会館は駅の目の前である。[СКСПЯЯ]

Tōkyō	bunka	kaikan	wa	eki	no	me	no	mae
Токио	культура	клуб	NOM _T	вокзал	GEN	глаз	GEN	перед
de	a=ru							

COP.CV AUX=PRS

‘Токийский дом культуры находится прямо перед вокзалом.’

3) Модель обладания ($N^{\text{Poss}}_{\text{Dat}} N^{\text{Possv}}_{\text{NomR}} V^{\text{Ex}}$) совмещает в себе две пропозиции (пропозицию отношения между обладателем и обладаемым и пропозицию существования чего-либо) и рассматривается как образованная в результате переноса пропозиции бытия в социальную сферу. Позицию локализатора в модели обладания занимает посессор, оформление этого участника показателем дательного падежа *ni* идентично для обеих моделей. При этом посессор часто, кроме собственно дательного падежа, дополнительно оформляется показателем топика – частицей *wa*.

Ввиду отсутствия в японском языке глагола со значением ‘иметь’, бытийную модель и модель обладания объединяет экзистенциальный предикат *aru* ‘быть, иметься’, который участвует в выражении отношений обладания, но остается при этом бытийным, что отражено в структурной схеме.

私は年収以上の借金がありますが。[СКСПЯЯ]

watashi	wa	nenshū	ijō	no	shakkin	ga
я	TOP	годовой доход	сверх	GEN	долг	NOM _R

ar=imas=u

быть=ADR=PRS

‘У меня есть задолженность, превышающая годовой доход.’

2. Модели движения, в свою очередь, разделяются на адлокативные, делокативные и транслокативную. В состав пропозиции, кроме субъекта и предиката движения, входят также локализаторы, указывающие на трассу, начальную и конечную точку перемещения. Для адлокативных и делокативных моделей выделяются также каузативные варианты, включающие дополнительный компонент – каузируемый объект.

1) Адлокативные модели ($N^{\text{Ag}}_{\text{Nom}} \text{LEX}^{\text{DF}} V^{\text{Mot}}$) описывают установление отношений локации. Адлокативные модели подразделяются на модели движения и модели помещения: первые описывают направ-

ленное движение, вторые – помещение субъекта в определенную точку пространства.

桑柘の枝に鳥が止まる。[СКСПЯ]

shōsha no eda ni tori ga tomar=u
 тутовое дерево GEN ветка DAT птица NOM_R садиться=PRS
 ‘На ветку тутового дерева села птица.’

а) Некаузативная адлокативная модель движения ($N^{Ag}_{Nom} LEX^{DF} V^{Mot}$) описывает перемещение субъекта по направлению к определенному пространственному ориентиру. В качестве предиката выступают глаголы направленного (например, *hairu* ‘входить’, *noboru* ‘подниматься, взбираться’) и ненаправленного (*hashiru* ‘бежать’, *aruku* ‘идти пешком’ и др.) движения.

ほんとうになぜ、タツヤはここに来たんだらう。[СКСПЯ]

hintō=ni naze Tatsuya wa koko ni ki=ta
 правда=ADV почему Тацья NOM_T здесь DAT приходить=PST
 n da=rō
 PRT COP=PMT
 ‘Почему же на самом деле Тацья пришел сюда?’

б) Каузативная адлокативная модель движения ($N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-caus}_{ACC} LEX^{DF} V^{Caus-mot}$) описывает перемещение объекта движущимся субъектом по направлению к определенной точке пространства. Предикат данной модели выражается каузативным глаголом перемещения объекта (*okuru* ‘отправлять’, *ou* ‘гнать’, *nigeru* ‘бросать’ и др.).

В основе каузативной адлокативной модели лежит пропозиция движения (адлокации), и каузативный смысл является внешним по отношению к ней. Таким образом, перемещение рассматривается как каузативная модификация движения: [каузатор делает так, что]^{Caus} [субъект (=объект перемещения) движется из одной точки в другую]^{Mot}.

竜次は、吸っていたタバコを遠くへ投げた。[СКСПЯ]

Ryūji wa su=tte i=ta tabako wo
 Рюдзи NOM_T курить=CV AUX.PRG=PST сигарета ACC
 too=ku e nage=ta
 далекий=ADV LAT бросать=PST
 ‘Рюдзи далеко отбросил сигарету, которую курил.’

в) Некаузативная модель помещения ($N^{Ag}_{Nom} LEX^{DF} V^{Adloc}$) представляет помещение субъекта в определенную точку пространства в

результате движения. В роли предиката вступают глаголы субъектного помещения, например: *suwaru* ‘сесть’, *tatsu* ‘встать’, *tomaru* ‘остановиться’ и др. Глаголы, формирующие базу для некаузативных моделей помещения, участвуют также в бытийно-локативных моделях. Однако, выступая аналогами бытийных предикатов, данные глаголы предстают в длительном виде, в то время как в моделях помещения фигурирует недлительный вид.

道のむこう側に小型バスが止まった。[СКСПЯ]

michi no mukōgawa ni kogata basu ga
 дорога GEN по ту сторону DAT маленький автобус NOM_R
 toma=tta

остановиться=PST

‘На той стороне дороги остановился небольшой автобус.’

г) Каузативная модель помещения ($N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc}$ **LEX^{DF} V^{Caus-adloc}**) обладает типовой семантикой помещения объекта в определенную точку пространства. В роли предиката выступают глаголы субъектного помещения, например: *ireru* ‘поместить внутрь’, *oku* ‘поставить, положить’, *otosu* ‘бросить, уронить’, *sosogu* ‘налить’ и др.

巫女はあわてて札をそこに置いた。[СКСПЯ]

fūjo wa awate=te fuda wo soko ni
 жрица NOM_T спешить=CV карта ACC там DAT
 o=ita

положить=PST

‘Жрица спешно положила туда карту.’

2) Делокативные модели (N^{Ag}_{Nom} **LEX^{DS} V^{Mot}**) описывают прекращение отношений локации. Они подразделяются на собственно модели движения и модели удаления. Первые описывают движение по направлению от ориентира, вторые характеризуют удаление субъекта (объекта) из определенного пространства в результате перемещения. Оба вида делокативных моделей имеют каузативные аналоги. Каузативные модели движения содержат дополнительный облигаторный компонент модели – объект-каузатив, выраженный именем в винительном падеже.

Проведенный анализ позволяет заключить, что делокативные модели менее частотно реализуются в японском языке, нежели адлокативные модели. Вероятно, это объясняется коммуникативными причинами: конечный пункт движения является более важным по сравнению с отправным. Отметим также, что высказывания с актуализованными

начальной и конечной точкой движения встречаются чаще, нежели собственно делокативные высказывания.

ヒデはくすくす笑いながら部屋を出て行った。[СКСПЯ]

Hide wa kusukusu wara=inagara heya wo de=te
Хидэ NOM_T тихонько смеяться=CV комната ACC выходит=CV
i=ta
AUX.DIR=PST

‘Хидэ, тихонько посмеиваясь, вышел из комнаты.’

а) Некаузативная делокативная модель движения (N^{Ag}_{Nom} LEX^{DS} V^{Mot}) описывает перемещение субъекта по направлению от ориентира. В качестве предиката выступают глаголы движения, не осложненные дополнительными компонентами смысла, глаголы с векторным компонентом значения, такие как *iku* ‘уходить, уезжать’ и *kuru* ‘приходить, приезжать’.

ここからは、私一人で行く。[СКСПЯ]

koko kara wa watashi hitori de ik=u
здесь ABL TOP я один INSTR уходить=PRS

‘Дальше [букв.: от этого места] я пойду один.’

б) Каузативная делокативная модель движения (N^{Caus}_{Nom} $N^{Ob-causv}$ Acc LEX^{DS} $V^{Caus-mot}$) представляет перемещение объекта движущимся субъектом по направлению от ориентира. Предикат представлен глаголами, описывающими векторные характеристики движения (например, *orosu* ‘спускать’). Локализатор некаузативных делокативных моделей движения может быть оформлен только показателем исходного падежа *kara*, поскольку при одном глаголе не могут быть двух разнотипных дополнений в винительном падеже (например, казулируемый объект и делокативный локализатор).

ここからみんなを追い出して、閉鎖するつもりだ。[СКСПЯ]

koko kara minna wo oidash=ite heisasu=ru
здесь ABL все ACC прогнать=CV закрыть=PRS
tsumori da
намерение COP.PRS

‘[Я] намерен выгнать всех отсюда и закрыть.’

в) Некаузативная модель удаления (N^{Ag}_{Nom} LEX^{DS} V^{Deloc}) обладает типовой семантикой удаления субъекта из/ от определенного пространственного ориентира. Модели удаления базируются на глаголах

движения, характеризующих разрыв отношений с локумом (*tatsu* ‘вставать, подниматься’, *deru* ‘выходить’ и др.).

ぼくは椅子から立ち上がる。[СКСПЯ]

boku wa isu kara tachiaga=ru
я NOMT стул ABL подниматься=PRS
‘Я поднялся со стула.’

г) Каузативная модель удаления ($N^{\text{Caus}}_{\text{Nom}} N^{\text{Ob-causv}}_{\text{Acc}} \text{LEX}^{\text{DS}} V^{\text{Caus-deloc}}$) представляет удаление объекта из определенного пространства субъектом, локализованным в одном месте. В моделях объектного удаления, в отличие от каузативных делокативных моделей движения, внимание сфокусировано на удалении объекта неподвижным субъектом. В качестве предикатов модели выступают такие глаголы, как *dasu* ‘вынимать’, *toriageru* ‘поднимать’, *hikidasu* ‘вытаскивать’ и др.

枕の下から老人は細い手で紙袋を引き出しました。[СКСПЯ]

makura no shita kara rōjin wa hosoi te
подушка GEN низ ABL старик NOM_T тонкий=PRS рука
de kamibukuro wo hikidash=imash=ita
INSTR бумажная сумка ACC вытаскивать=ADR=PST
‘Старик худой рукой достали з-под подушки бумажную сумку.’

3) Транслокативная модель ($N^{\text{Ag}}_{\text{Nom}} \text{LEX}^{\text{Trloc}} V^{\text{Trloc}}$) описывает перемещение субъекта по некоторому локуму – трассе движения. Типовая семантика транслокативных моделей задается значением глаголов, участвующих в образовании ЭПП. Базовыми для этого класса моделей являются глаголы *aruku* ‘идти пешком’, *hashiru* ‘бежать, ехать (о транспорте)’, *tooru* ‘идти, проходить’, *wataru* ‘переходить, переезжать’, *tawaru* ‘обходить, объезжать’.

Особенностью транслокативных моделей японского языка является отсутствие каузативного варианта. Это связано с тем, что в японском языке переходные глаголы не могут одновременно присоединять два прямых дополнения разного типа, в данном случае объект локализации и транслокативный локализатор [Harada 1973; Poser 2002]. Соответственно, для описания перемещения объекта по трассе используются исключительно полипредикативные конструкции.

私の左隣を山田みつ子が通りすぎた。[СКСПЯ]

watashi no hidaridonari wo Yamada Mitsuko ga
я GEN слева сбоку ACC Ямада Мицуко NOM_R
toorisugi=ta
пройти мимо=PST

‘Слева от меня прошла МицукоЯмада.’

Также транслокативная модель японского языка включают в себя в качестве собственных семантических вариантов такие специфические модели движения (выделяемые для языков коренных народов Сибири), как модель преодоления пространства и модель полного охвата пространства.

При всем разнообразии и неоднородности семантических, структурных и структурно-семантических вариантов моделей ЭПП, алтайские и японский языки имеют много общих черт. В целом строевые и лексические способы выражения пространственных отношений, количество предметных участников и их взаимное расположение, иерархическая организация моделей, сходные семантические и структурные варианты свидетельствуют о значительной близости японского языка к алтайским.

Значимое расхождение сопоставляемых моделей заключается в падежном оформлении локализатора, которое, будучи включенным в модель управления глагола, накладывает определенные ограничения на реализацию участников модели.

Основные различия сопоставляемых систем состоят в следующем.

1) Японский глагол включает в свой состав модель управления актантными участниками, прежде всего – локализатором, что, вероятно, и приводит к расхождениям с алтайскими языками.

2) Незначительные расхождения в падежном маркировании локатива, директива-старта и директива-финиша (например, в японском языке характерное оформление винительным падежом исходной точки или существование показателя предельного падежа в значении конечной точки движения) перекрываются значительными различиями в форме транс-локатива. По всей вероятности, жесткая однозначность в оформлении трассы как ориентира винительным падежом, приводит к включению в список транслокативных моделей всех специфических типов движения.

3) Характерные различия наблюдаются в построении бытийно-локативных моделей: в японском языке практически нет именных моделей бытия / наличия или количественного существования / обладания, в то время как в алтайских и уральских языках используются именные предикаты. В шорском, например, именные модели обладают более пространной сетью варьирования.

4) Наблюдаются незначительные расхождения в расположении актантных участников локативной модели, а также оформлении актантов модели обладания.

5) Было осуществлено более мелкое дробление конструкций адлокации и делокации для японского, ненецкого и эвенкийского языков, что, однако, не отменяет общего сходства адлокативных и делокативных моделей.

6) Значительные расхождения выявлены в структурном составе и семантическом наполнении транслокативных моделей. В отличие от всех алтайских и от ненецкого языка, японский не образует моделей каузативной локации. Также в японском языке не выделяются модели ориентированного и локализованного движения.

В **Заключении** подводятся итог диссертационной работы, суммируются выводы всех разделов, содержащих сопоставительный анализ пространственных систем японского и урало-алтайских языков.

Пространственные модели сопоставляемых языков демонстрируют явное типологическое и структурное сходство, проявляющееся в следующем:

1) количестве, способе выражения и порядке следования участников модели;

2) способе падежного маркирования локализатора;

3) сопоставимом наполнении ЛСГ глагольных предикатов, задающих семантику классов моделей и их более мелких структурно-семантических типов;

4) выделении примерно совпадающих по содержанию классов и семантических вариантов моделей;

5) сходной организации и иерархии системы пространственных моделей ЭПП.

Существуют также многочисленные мелкие схождения в рассматриваемых речевых реализациях пространственных моделей ЭПП, например: чувствительность бытийных и позиционных предикатов к категории одушевленности / неодушевленности субъекта; узкая сфера значений неканонических падежных форм локализатора; тесная связь моделей обладания с собственно бытийными моделями и др.

Различия наблюдаются в сфере выделения конкретных типов или структурно-семантических вариантов моделей, падежного маркирования ЛСГ локализатора. Наиболее значительные отличия продемонстрировала транслокативная модель.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (общий объем – 2, 75 п. л.)

Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Дурова, М. В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке / М. В. Дурова // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология. – Новосибирск: Изд. СО РАН, 2009. – № 4. – С. 127–131 (0,5 п. л.).

2. Дурова, М. В. Модели элементарных простых предложений со значением движения в японском языке / М. В. Дурова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 4. – С. 157–164 (0,8 п. л.).

3. Дурова, М. В. Предложения перемещения в японском языке / М. В. Дурова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, ИФЛ СО РАН, 2012. – №3. – С. 177–183 (0,6 п. л.).

Публикации в материалах конференций:

1. Дурова, М. В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке / М. В. Дурова // Студент и научно-технический прогресс: Языкознание: материалы XLVII Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 11–15 апреля. – Новосибирск, 2009. – С. 52 (0,05 п. л.).

2. Дурова, М. В. Модели элементарных простых предложений со значением движения в японском языке / М. В. Дурова // Материалы III Всероссийской Интернет-конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики». Красноярск: КГПУ, 2012. – С. 11–23 (0,7 п. л.).

3. Дурова, М. В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке / М. В. Дурова // XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 2013.– СПб: ВФ СПбГУ, 2013. – С. 290–291 (0,05 п. л.).

4. Дурова, М. В. Транслокативная модель элементарного простого предложения в японском языке / М. В. Дурова // XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире». Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2015.– СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. – С. 186–187 (0,05 п. л.).